

Проектъ реформы духовно-учебныхъ за- веденій.

Въ настоящее время полный духовно-учебный курсъ сла-
гается изъ четырехъ лѣтъ обученія въ училищѣ, шести въ
семинаріи и четырехъ въ академіи, слѣдовательно, на два
года продолжительнѣе курса гимназіи и университета и на
четыре реального училища и какого-либо спеціальнаго выс-
шаго учебнаго заведенія. Не смотря на это рѣдко кто счи-
таетъ питомцевъ духовной школы болѣе образованными и
развитыми сравнительно съ воспитанниками школы свѣт-
ской. Иногда же по отношенію къ первымъ высказывается
и въ печати и въ обществѣ явное пренебреженіе. Нѣсколько
лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ педагогическихъ журна-
ловъ, по поводу замѣтки о необходимости допустить семи-
наристовъ въ университетъ, писалось, что это едвали можно
признать желательнымъ въ настоящее время, когда досту-
туда закрыть *даже* для реалистовъ. Вопросъ о томъ, что
послѣдніе болѣе подготовлены къ слушанію университет-
скихъ лекцій, чѣмъ студенты семинаріи для автора, оче-
видно, представлялся рѣшеннымъ въ положительномъ смы-
слѣ. А еще раньше въ другомъ журналѣ чуть ли не съ за-
вистью говорилось, что по слухамъ семинаристовъ рѣшено
допустить въ ветеринарные институты, пополняемые, какъ
извѣстно, почти исключительно отбросами средней школы,
т. е. учениками, изгнанными изъ нея за дурное поведеніе,
лѣность и тупоуміе.

Что касается въ частности духовнаго училища, то, ка-
жется, нѣтъ такого даже учебнаго заведенія, которое было
бы такъ унижено и забито, какъ это. Многіе изъ людей

общества даже не подозрѣваютъ о его существованіи, а нѣкоторые считаютъ его чѣмъ то въ родѣ церковно-приходской школы. Мнѣ вѣкогда не приходилось читать или слышать о сравненіи духовнаго училища съ реальнымъ или съ гимназіей. Эти послѣднія обыкновенно сопоставляются уже съ семинаріей при чемъ совершенно забываютъ о томъ, что для поступленія въ нее нужно предварительно проучиться четыре года въ училищѣ и что первый классъ семинаріи по программѣ приблизительно соответствуетъ V классу гимназіи. Въ значительной степени виновато здѣсь самое слово „училище“, заставляющее обывателей уѣздныхъ городовъ приравливать его къ такимъ же училищамъ: приходскому, уѣздному и городскому. Въ цѣляхъ возвышенія престижа названнаго учебнаго заведенія слѣдовало бы переименовать его въ „духовную прогимназію“. По той же причинѣ желательно, чтобы смотритель училища назывался директоромъ, помощникъ смотрителя инспекторомъ, учителя преподавателями. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо улучшеніе матеріальнаго положенія всѣхъ названныхъ лицъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ кореннымъ образомъ измѣнить существующія программы духовнаго училища. Въ настоящее время ученики въ теченіе четырехъ лѣтъ трудятся очень много, а между тѣмъ выносятъ изъ училища очень мало. Это зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что ихъ вниманіе направлено на изученіе такихъ предметовъ, которые скорѣе притупляя, чѣмъ развивая умъ, въ тоже время совершенно неинтересны и очень мало пригодны для жизни. Воспитанники духовнаго училища почти всѣ свои умственные силы посвящаютъ заучиванію различныхъ тонкостей славянской, греческой и латинской грамматики и въ тоже время остаются совершенными невѣждами въ области естествознанія и исторіи. Многіе мальчики четвертымъ классомъ духовнаго училища заканчиваютъ свое образованіе (напримѣръ тѣ, которые поступаютъ въ псаломщики). И вотъ отлично зная склоненіе и спряженіе латинскихъ и греческихъ глаголовъ, они не имѣютъ даже элементарнаго понятія ни о явленіяхъ окружающаго міра, ни о прошлой жизни чело-вѣчества и своей родины. Окончившій курсъ духовнаго училища можетъ прочесть какія нибудь исключенія изъ третьяго склоненія, но не знаетъ отъ чего происходятъ молнія и

громъ, чѣмъ отличается органическій міръ отъ неорганическаго, когда и при комъ было крещеніе Руси, кто жилъ прежде Іоаннъ Грозный или Петръ Великій. Естественно, что гдѣ нибудь въ обществѣ онъ будетъ производить впечатлѣніе невѣжды сравнительно даже съ учениками уѣзднаго и городского училищъ, въ которыхъ дѣтей знакомятъ съ элементами естествознанія, исторіи, географіи и геометріи.

Въ духовной прогимназіи, какъ и во всякомъ учебномъ заведеніи, въ качествѣ обязательныхъ предметовъ должны преподаваться тѣ, которые а) удовлетворяютъ естественной любознательности учащихся, б) развиваютъ ихъ умъ съ формальной и особенно идейной стороны, в) безусловно необходимы для жизни. Дѣти должны усвоить то, что для нихъ интересно и полезно, полезно, конечно, не только въ смыслѣ практическомъ, но и болѣе широкомъ, гуманитарномъ, что доставляя имъ здоровую духовную пищу, развиваетъ ихъ интеллектъ, дѣлаетъ ихъ болѣе гуманными и культурными.

Ребенокъ начинаетъ прежде всего интересоваться окружающимъ его міромъ. Онъ трогаетъ, ощупываетъ и осматриваетъ различныя домашнія вещи, разламываетъ игрушки съ цѣлью узнать ихъ внутренній механизмъ, съ удовольствіемъ наблюдаетъ животныхъ, птицъ, насекомыхъ, собираетъ коллекцію бабочекъ, цвѣтовъ, растений, спрашиваетъ старшихъ о звѣздахъ, о солнцѣ, о тучахъ, облакахъ, дождѣ, снѣгѣ и т. п. Однимъ словомъ, онъ прежде всего интересуется природой, а потому ему раньше другого должны быть сообщаемы элементарныя свѣдѣнія изъ естествознанія. Затѣмъ ребенокъ задается вопросами, что находится за предѣлами той мѣстности, въ которой онъ живетъ, что лежитъ за его селомъ или городомъ, какіе есть на землѣ лѣса, горы, рѣки, растенія, животныя, какъ живутъ люди въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ онъ никогда не былъ. На всѣ эти вопросы должна отвѣтить географія. Любознательные дѣти интересуются и тѣмъ, что было прежде. Въ самомъ раннемъ возрастѣ они спрашиваютъ о прошлой жизни отца, матери, дядей, дѣдушки, затѣмъ о прошломъ родного села или города, потомъ о прошломъ своего отечества и другихъ народовъ. Этой естественной потребности знать, какъ люди жили

прежде насъ, удовлетворяетъ исторія. Наконецъ, въ самую раннюю пору своей жизни ребенокъ замѣчаетъ присутствіе религіозной потребности въ себѣ самомъ и въ другихъ окружающихъ его людяхъ. Онъ слышитъ о Богѣ и объ ангелахъ, видитъ какъ молятся его родные и знакомые, становясь съ ними на молитву испытываетъ особое благоговѣйно-молитвенное настроеніе. Онъ не можетъ не обратить вниманія на многочисленные храмы, сложный богослужебный культъ, религіозныя процессіи. Наконецъ, его приковываетъ къ себѣ торжественный и въ тоже время ужасный актъ смерти дорогихъ лицъ, ихъ разложеніе и погребеніе подъ землю. Все это дѣйствуетъ на дѣтское воображеніе и чувство, пробуждаетъ въ ребенкѣ желаніе понять и объяснить смыслъ явленій, относящихся къ религіозной области. Кто такое Богъ, почему Ему нужно молиться, какое отношеніе имѣетъ онъ къ міру и человѣку, что будетъ съ тѣми людьми, которые умерли, что хорошо дѣлать и что дурно, почему одно—грѣхъ, другое—не грѣхъ,—всѣ эти вопросы предносятся дѣтскому уму и требуютъ для себя разрѣшенія. Отвѣтъ на нихъ даетъ предметъ, извѣстный подъ общимъ именемъ Закона Божія. Такимъ образомъ, элементы естествознанія, географіи, исторіи и Закона Божія, постепенно расширяющіеся въ своемъ объемѣ вмѣстѣ съ возрастомъ и развитіемъ учащихся, должны составлять главный матеріалъ обученія въ духовной прогимназіи. Грамматика родного языка и ариметика не удовлетворяютъ въ такой степени любознательности дѣтей, какъ только что перечисленные предметы и отличаются большею сухостью. Изошряя память и развивая отчасти формальную силу мысли, они помимо того не могутъ быть исключены изъ учебнаго курса вслѣдствіе ихъ огромнаго практическаго значенія. Не умѣя правильно излагать свои мысли, нельзя жить въ образованномъ обществѣ, а не умѣя считать, нельзя вести никакого практическаго дѣла. Но все же эти предметы не должны занимать такого центрального мѣста въ младшихъ классахъ средней школы, какое занимаютъ теперь, а должны играть второстепенную роль сравнительно съ естествознаніемъ, географіей и исторіей.

Древніе языки, которымъ въ настоящее время удѣлено 32 урока въ недѣлю, должны быть совершенно исключены изъ курса духовныхъ училищъ, а славянскій языкъ, на-

сколько возможно, сокращенъ. Было бы въ высшей степени противоестественно, чтобы мальчикъ интересовался всевозможными филологическими тонкостями. Не безразлично ли для него, какъ образуется аористъ второй или будущее отъ извѣстнаго глагола, какъ будетъ звательный падежъ отъ того или другого латинскаго или греческаго слова. Интересоваться всѣмъ этимъ можетъ лишь тотъ, кто искусственно, путемъ долговременныхъ систематическихъ усилій извратилъ въ себѣ умственные запросы, привилъ своему интеллекту способность направлять свою любознательность на то, что ея менѣе всего заслуживаетъ. Если сравнивать потребность знанія съ потребностью питанія, то этимологія и синтаксисъ древнихъ языковъ столь же нездоровая пища для ума, какъ солома, глина и стекло для желудка. Правда есть люди, которые глотаютъ стекло и остаются здоровыми, но изъ этого не слѣдуетъ, что и всѣхъ слѣдуетъ кормить тѣмъ же. Точно также и изъ того факта, что нѣкоторые люди, прошедшіе классическую школу сохранили ясность ума и глубину мысли, не слѣдуетъ, чтобы эта школа могла быть признана нормальною и плодотворною для всего молодого поколѣнія. Истинно умные и передовые люди выходили изъ нашихъ семинарій и гимназій *не потому*, что тамъ проходились древніе языки, а *не смотря на это*. Если бы вмѣсто зубренія греческой и латинской грамматики тамъ основательно изучалась новѣйшая русская и иностранная литература, исторія, этика, психологія, то ученыхъ, интеллигентныхъ и достойныхъ людей выходило бы изъ нихъ еще больше.

Обыкновенно въ защиту изученія древнихъ языковъ, указываютъ на то, что они изоцряютъ память и пріучиваютъ воспитанниковъ къ систематическому умственному труду. Но вѣдь легко видѣть, что таже цѣль достигается и всякой другой наукой. Преимущество, несомнѣнно, должно быть отдано той, которая наряду съ памятью развиваетъ и разумъ, какъ съ формальной, такъ и съ матеріальной стороны, которая обогащаетъ мысль, расширяетъ умственный кругозоръ человѣка, открываетъ ему новыя духовныя перспективы. А въ этомъ отношеніи какъ естествознаніе, такъ и всѣ гуманитарныя науки имѣютъ преимущество предъ древними языками. Что изученіе послѣднихъ нисколько не способствуетъ матеріальному образованію ума, обогащенію

его новыми идеями, это, кажется, не нуждается въ доказательствахъ, такъ какъ едва ли кто рѣшится признать цѣнными камнями въ фундаментъ міросозерцанія, напримѣръ, правило объ образованіи будущаго времени въ глаголахъ плавныхъ или прошедшаго совершеннаго въ глаголахъ нѣмыхъ. Но изученіе классическихъ языковъ вслѣдствіе своего механическаго характера мало способствуетъ и развитію разсудка, съ формальной стороны уступая въ этомъ отношеніи мѣсто такимъ предметамъ, какъ ариметика и геометрія. Знакомство съ этимологическими формулами происходитъ исключительно усиліями памяти, чрезъ зубреніе. Для работы мысли здѣсь нѣтъ мѣста. Воспитанники пріучаются запоминать различныя слова и правила, не задаваясь вопросомъ: почему это такъ и для чего это нужно. Наконецъ, изученіе древнихъ языковъ, будучи совершенно неинтереснымъ, поселяетъ въ учащихся отвращеніе вообще къ наукѣ, представленіе о которой невольно ассоціируется у нихъ со всевозможными Кюнерами, Григоревскими и т. п.

Вопреки пожеланіямъ самихъ семинаристовъ, поскольку они выразились въ петиціяхъ представленныхъ ими святѣйшему синоду, я полагаю, что и новые языки не должны быть признаны обязательными для воспитанниковъ духовныхъ училищъ и семинарій. Что знакомство съ ними само по себѣ не можетъ удовлетворять любознательности учащихся и особенно содѣйствовать ихъ умственному развитію, это уже достаточно ясно изъ того, что сказано нами о древнихъ языкахъ. Послѣдніе при глубокомъ и основательномъ ихъ изученіи покрайней мѣрѣ пріучаютъ воспитанниковъ къ труду, къ внимательной наблюдательности, къ напряженной умственной дѣятельности. Новые языки и для этой умственно-дисциплинарной цѣли оказываются менѣе пригодными. Они такъ просты по своему грамматическому строенію, что не представляютъ достаточнаго матеріала для систематическаго изученія, для того усидчиваго труда, для того напряженія наблюдательныхъ способностей, которыя имѣютъ мѣсто при изученіи сложнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ законнаго, стройнаго и гармоническаго организма обоихъ классическихъ языковъ.

Главнымъ основаніемъ въ пользу изученія новыхъ языковъ въ среднеучебныхъ заведеніяхъ признается обыкновенно то,

что оно открываетъ намъ сокровищницу европейской культуры, даетъ возможность читать новѣйшія книжки и брошюры. Однакожъ въ дѣйствительности эту возможность пользуются очень немногіе. Большинство лицъ, получившихъ не только среднее, но даже и высшее образованіе не успѣваетъ слѣдить за текущей русской публицистикой, литературой и наукой. При томъ все, что появляется за границей дѣйствительно цѣннаго, обычно переводится, и тѣмъ болѣе будетъ переводиться теперь, когда объявлена свобода слова, на русскій языкъ. Умѣнье свободно владѣть новыми языками необходимо не просто для образованныхъ, а именно для ученыхъ людей, для тѣхъ профессоровъ, которые разрабатываютъ науку и слѣдятъ за послѣднимъ ея словомъ, или же для тѣхъ публицистовъ и писателей, которые стоятъ во главѣ общественной мысли и литературы. Но многимъ ли питомцамъ нашей духовной школы будетъ принадлежать такая роль. Самое большее одному изъ сотни. Но этотъ одинъ, можно ручаться, станетъ изучать новые языки и въ томъ случаѣ, если они не будутъ обязательны. Заставлять же 99 юношей изучать предметъ самъ по себѣ совершенно неинтересный лишь потому, что, быть можетъ, сотому онъ когда нибудь пригодится, было бы въ высшей степени странно.

Первые четыре класса семинаріи должны быть переименованы въ „духовныя гимназіи“ съ правомъ поступленія изъ нихъ во всѣ высшія учебныя заведенія, а послѣдніе два выдѣлены въ спеціально „богословскій институтъ“. Въ этотъ послѣдній пусть имѣютъ право поступать какъ окончившіе четыре класса семинаріи, такъ и получившіе аттестатъ зрѣлости въ свѣтскихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Я нахожу болѣе удобнымъ выдѣлить „богословскій институтъ“ въ особое отъ „духовной гимназіи“ учебное заведеніе въ виду того, что для его питомцевъ, какъ свободно выбравшихъ для себя подготовленіе къ пастырству, было бы можно ввести болѣе церковный режимъ сравнительно съ воспитанниками „духовной“ гимназіи, называемой такъ главнымъ образомъ потому, что въ ней стали бы обучаться дѣти духовенства. Такъ, напримѣръ, литературно-музыкальные вечера, балы съ танцами, домашніе спектакли и т. п., вполнѣ умѣстные въ духовныхъ гимназіяхъ, не подходили бы къ настроенію тѣхъ

юношей старшихъ классовъ, которые готовились бы посвящать свои силы на служеніе церкви. Или продолжительныя бдѣнія съ акаѳистами, канонархами и т. п., отвѣчающія потребности питомцевъ богословскаго института въ силу особаго религіознаго склада ихъ индивидуальности, казались бы утомительными и скучными для учениковъ младшихъ классовъ, не имѣющихъ, быть можетъ, ни малѣйшей склонности къ церкви и всему церковному.

Еще болѣе заключаетъ неудобствъ соединеніе духовной гимназіи и богословскихъ курсовъ съ прогимназіей такъ, чтобы они составили одну десятиклассную школу. Если такая будетъ находиться лишь въ губернскомъ городѣ, то необходимо считаться съ фактомъ отдаленности ея отъ мѣстожителѣства нѣкоторыхъ учащихся, что едва ли желательно для ихъ родителей. Въ центральной Россіи въ настоящее время духовное училище есть почти въ каждомъ уѣздномъ городѣ. Отправить мальчика за 25—30 верстъ—это совсѣмъ не то же, что за 250 или 300: и стоитъ гораздо дешевле и провѣдывать его можно чуть не каждую недѣлю. Затѣмъ, совмѣстная жизнь дѣтей и взрослыхъ въ стѣнахъ одного и того же учебнаго заведенія едва ли можетъ быть признана желательной и съ чисто педагогической точки зрѣнія. Если для воспитанниковъ младшихъ, среднихъ и старшихъ классовъ установить совершенно различный распорядокъ жизни, то это при нахожденіи ихъ въ одномъ и томъ же зданіи будетъ подавать поводъ къ путаницѣ и различнымъ недоразумѣніямъ. Въ такомъ случаѣ въ организаціи строя учебнаго заведенія трудно ожидать какого либо порядка. Младшіе во всемъ захотятъ равенства со старшими и не охотно станутъ подчиняться установленнымъ только для нихъ однимъ ограниченіямъ и стѣсненіямъ. Если же къ тѣмъ и другимъ предъявлять одни и тѣ же дисциплинарныя требованія, то это будетъ противорѣчить основному педагогическому принципу, по которому внѣшній и внутренній режимъ школы долженъ соответствовать возрасту ея питомцевъ. Если въ настоящее время чувствуется неудобство примѣненія однихъ и тѣхъ же „правилъ поведенія“ и къ юношамъ и подросткамъ, то оно будетъ еще болѣе ощутительно, когда разница между воспитанниками I и X-го классовъ достигнетъ 10—15 лѣтъ. Естественное по отношенію къ дѣтямъ

требованіе, чтобы они ходили попарно, рано ложились спать, не курили табаку, не посѣщали театра и другихъ публичныхъ мѣстъ, не ходили гулять одни, не катались на лодкѣ и т. п. теряетъ всякій смыслъ и становится смѣшнымъ, когда предъявляется къ 23—24 лѣтнимъ юношамъ, почти мужамъ. Тоже самое надо сказать о приемахъ обращенія, мѣрахъ взысканія и т. п.

Программа духовной гимназіи должна быть составлена такъ, чтобы окончившіе ее юноши обладали всѣми тѣми знаніями, которые необходимы для всякаго человѣка безъ различія спеціальности, которыя составляютъ необходимое условіе интеллигентности и культурности. Изъ предметовъ училищнаго курса здѣсь болѣе основательно, глубоко и научно должны проходиться естествознаніе и исторія. Изъ послѣдней должно быть исключено все то, что безъ нужды обременяя память учащихся, не имѣетъ важнаго значенія въ дѣлѣ пониманія законовъ исторической жизни, не служитъ къ уясненію характера той или иной эпохи и ея явленія на послѣдующую жизнь человѣчества. А между тѣмъ та исторія, которая до послѣдняго времени преподавалась въ нашей средней школѣ, являлась почти исключительно исторіей войнъ и царей. Отдѣлы о состояніи науки, искусства, религіи, философіи, о законодательствѣ, внутреннемъ административномъ, юридическомъ и экономическомъ строѣ, нравахъ и обычаяхъ народа оставались обыкновенно въ тѣни, въ учебникахъ печатались мелкимъ шрифтомъ и часто совсѣмъ вычеркивались преподавателями, какъ не относящіеся къ дѣлу. Это грубая ошибка. Исторія должна быть зеркаломъ *всей жизни всего* человѣчества, а не изображеніемъ только хронологическаго порядка внѣшнихъ политическихъ событій и преемственной смѣны царствованій. Интересуясь вопросомъ, какъ жили люди, положимъ, тысячу лѣтъ тому назадъ, мы хотимъ знать не столько то, кто въ это время былъ у нихъ царемъ или съ какого по какой годъ царствовалъ, сколько то, каковы у нихъ были порядки и отношенія между собою, каковы укладъ жизни, чѣмъ они интересовались, во что вѣровали, пользовались ли гражданской свободой и т. п.

Изъ русской литературы главное вниманіе должно быть обращено на изученіе новѣйшихъ писателей послѣ Гоголя. Теперешняя постановка дѣла, когда воспитанники подробно

знакомятся съ какимъ нибудь Давниломъ Заточникомъ или Лукой Жидятой и не имѣютъ понятія о писателяхъ, составляющихъ гордость русской мысли и русского искусства Достоевскомъ, Тургеневѣ и Толстомъ, въ высшей степени противоестественно и нелѣпа. Это похоже на то, какъ если бы осматривая роскошный дворецъ, мы остановили все свое вниманіе на его подвалахъ или при посѣщеніи батаническаго сада ограничились созерцаніемъ тѣхъ полусгнившихъ бревенъ, которыя лежатъ у его изгороди. Новѣйшая литература—это богатая сокровищница глубокихъ идей, выраженныхъ въ прекрасной конкретной формѣ и въ тоже время квинтъ-эссенція жизни въ ея наиболѣе типичныхъ проявленіяхъ. Знакомство съ произведеніями новѣйшихъ русскихъ писателей и иностранныхъ классиковъ обогащаетъ нашъ умъ, развиваетъ его какъ съ формальной, такъ и съ идейной стороны, способствуетъ выработкѣ психологическаго анализа, облагораживаетъ нашъ эстетическій вкусъ. Можно смѣло сказать, что человѣкъ, изучившій литературу истекшаго столѣтія, хотя бы онъ и не получилъ систематическаго образованія, есть истинный интеллигентъ, а равно и наоборотъ, незнакомый съ нею, какимъ бы ученымъ специалистомъ онъ ни былъ въ извѣстной области, не заслуживаетъ этого имени. Къ художественнымъ произведеніямъ новаго времени вполне приложимы слова Каткова о древне-классическомъ искусствѣ: „кто непосредственнымъ образомъ не изучилъ разнообразныхъ проявленій изумительно гениальнаго ума греческаго народа (европейскихъ писателей 19 столѣтія—скажемъ мы), тотъ и понятія не имѣетъ о высшихъ проявленіяхъ человѣческаго ума вообще, для того сущность умственнаго міра человѣка навсегда останется книгою запечатанною семью печатами“.

Завершеніемъ общаго образованія должна быть признана философія съ пропедевтическими къ ней науками: логикой и психологіей. Философія удовлетворяетъ естественной потребности развитога ума, задающагося вопросами о высшихъ цѣляхъ, основахъ и принципахъ жизни и желающаго составить себѣ цѣлостное, законченное міросозерцаніе. Она пытается отвѣтить на тѣ вопросы, которые невольно предносятся уму всякаго мыслящаго человѣка, хотящаго жить разумною сознательною жизнью. Что я такое, какія силы вызвали меня на

свѣтъ и что будетъ со мною по смерти, каково мое отношеніе къ окружающему міру и другимъ людямъ, есть ли Богъ, бессмертна ли душа, свободна ли человѣческая воля, каковы границы и степень достовѣрности нашего знанія, въ чемъ заключается критерій добра и зла,—все это приходитъ на умъ человѣку, пережившему періодъ слѣпой наивной вѣры, начинающему сознательно жить и мыслить. Въ извѣстныя эпохи, когда вниманіе общества занято преимущественно рѣшеніемъ практическихъ и социальныхъ проблемъ, эти вопросы отодвигаются на задній планъ и временно какъ бы затемяются для сознанія, но затѣмъ они снова воскресаютъ съ прежнею силою и яркостью. Не говорю уже объ огромномъ значеніи философскаго образованія въ дѣлѣ развитія ума, такъ какъ значеніе это пользуется общимъ признаніемъ. Ни одна наука не можетъ въ такой степени способствовать глубинѣ и основательности нашего мышленія, какъ метафизика. Занятія ею предохраняютъ человѣка отъ поверхностныхъ сужденій, отъ умственной близорукости и отъ наивной вѣры, расширяютъ его духовный горизонтъ и открываютъ ему новыя умственные перспективы. Вотъ почему знакомство съ философіей всегда составляло гордость семинаристовъ и при обученіи въ университетѣ обычно давало имъ перевѣсъ предъ гимназистами во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось проявить общее развитіе ума и зрѣлость мысли. Само собою разумѣется, что въ духовной гимназій сравнительно съ семинаріей преподаваніе богословскихъ наукъ должно быть не сокращено, а расширено.

Сами семинаристы, какъ это видно изъ ихъ петицій, не исключаютъ изъ системы общаго образованія богословскаго элемента. Въ данномъ случаѣ они не хотятъ подражать гимназистамъ, религіозное образованіе которыхъ состоитъ лишь въ изученіи священной исторіи, катехизиса и краткой исторіи церкви. Воспитанники семинаріи выражаютъ пожеланіе, чтобы въ четырехъ-классной гимназій проходились священное писаніе новаго завѣта и основное богословіе. И нельзя не согласиться, что отсутствіе этихъ послѣднихъ предметовъ въ гимназическомъ курсѣ составляетъ существенный пробѣлъ въ программѣ свѣтской средней школы.

Религія представляетъ изъ себя фактъ огромной значимости, станемъ ли мы разсматривать ее какъ психическую не-

обходимость, или какъ историческую дѣйствительность. Потребность въ ней была присуща всѣмъ народамъ во всѣ вѣка. Въ частности христіанство есть религія культурнѣйшихъ націй и исповѣдуется въ настоящее время сотнями милліоновъ людей. Она тѣсно связана съ современной цивилизаціей, вплетается во всѣ общественныя, соціальныя и политическія отношенія, оказываетъ вліяніе на жизнь общественную и государственную, на науку и искусство, даже на экономическую сферу. Она имѣетъ свою исторію, свою философію, свою этику, свой культъ. Мы знаемъ, что питомцы нашихъ учебныхъ заведеній изучаютъ этимологию и синтаксисъ давно отжившихъ народовъ, знакомятся со всевозможными памятниками древней письменности въ родѣ твореній Кирилла Туровскаго или Даниіла Заточника, зазубриваютъ тысячи названій растений и насѣкомыхъ, стараются запомнить флексіи, суффиксы, правила переноса словъ. Такъ почему же они могутъ игнорировать ту сторону жизни, которая имѣетъ отношеніе къ высшему сверхчувственному міру и которая не менѣе другихъ сторонъ вызываетъ различные вопросы и недоумѣнія. Мнѣ кажется, что даже съ точки зрѣнія атеиста изслѣдованіе религіозной потребности и знакомство съ христіанствомъ должно быть признано необходимымъ для всякаго культурнаго человѣка. Евангеліе во всякомъ случаѣ заслуживаетъ изученія не въ меньшей степени, чѣмъ „слово о полку Игоревѣ“ или „путешествіе“ игумена Даниіла. Наконецъ, кому неизвѣстно, что выдвинутыя христіанствомъ начала самоотреченія, идеи свободы и безцѣннаго достоинства человѣческой личности пользуются уваженіемъ со стороны мыслителей всѣхъ направленій. А это служить новымъ доказательствомъ того, что знакомство съ христіанствомъ должно быть признано существеннымъ и необходимымъ элементомъ въ системѣ средняго общаго образованія.

Но если изученіе исторіи и основаній христіанства заслуживаетъ вниманія даже съ точки зрѣнія невѣрующаго, то для убѣжденнаго въ истинности своей религіи богословіе должно представляться предметомъ даже болѣе важнымъ сравнительно съ другими. Знаніе того, въ чемъ заключается воля Божія, благая и совершенная, необходимо какъ для нормальнаго отношенія къ себѣ самому и другимъ людямъ

въ этой жизни, такъ и для вѣчнаго спасенія. Равнодушно относиться къ тому, что намъ открыто самимъ Богомъ, было бы крайнимъ легкомысліемъ со стороны человѣка. Вѣдь эта земная жизнь есть не болѣе какъ моментъ сравнительно съ вѣчностью и было бы непростительнымъ малодушіемъ, если бы мы не достаточно внимательно относились ко всему, что касается этой послѣдней.

Воспитанники семинаріи выражаютъ пожеланіе объ оставленіи въ общеобразовательныхъ классахъ основного богословія. Въ настоящее время подъ именемъ этой науки разумѣется преимущественно философское и научное обоснованіе христіанской вѣры. А между тѣмъ весьма желательно, чтобы питомцы средней школы были знакомы и съ евангельской этикой, уясняли себѣ ея психологическія основы, ея отношеніе къ человѣческой природѣ и къ современной жизни. Отсюда курсъ основного богословія долженъ быть расширенъ и слагаться изъ трехъ частей: 1) о религіи вообще, ея происхожденіи, психическихъ основахъ и отношеніи къ объективной дѣйствительности, 2) о научно-философскихъ основахъ христіанской вѣры, 3) о христіанской нравственности. Наибольшее вниманіе, конечно, должно быть удѣлено тѣмъ элементамъ вѣро и правоученія, которые или больше всего вызываютъ недоумѣніи, или же больше всего имѣютъ отношенія къ современной жизни. Къ первой категоріи относятся, напримѣръ, вопросы о степени древности міра и человѣка, о происхожденіи жизни объ основаніяхъ вѣнчестности первороднаго грѣха всему человѣческому роду, о вѣчности мученій: ко второй—вопросы о непротивленіи злу, объ отношеніи христіанства къ войнѣ, къ собственности, къ современнымъ политическимъ и социальнымъ движеніямъ, вопросы уголовный, экономическій, женскій и др.

Скудость богословско-философскаго элемента въ свѣтскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ и другіе недостатки въ нихъ программахъ заставляютъ насъ высказаться противъ сліянія съ ними общеобразовательныхъ классовъ духовныхъ семинарій. „Духовная гимназія“ будетъ такъ называться не только потому, что въ ней будутъ обучаться преимущественно (если не исключительно) дѣти духовенства, но и вслѣдствіе особаго возвышеннаго духовнаго направленія преподаванія. Философія съ психологіей и рациональное бо-

гословіе, занимая почетное мѣсто въ ея программѣ, явятся завершеніемъ всего курса, приводя къ высшему синтезу и освѣщая съ религіозно-метафизической точки зрѣнія все пройденное въ младшихъ классахъ. И хотя доступъ на богословскіе курсы долженъ быть открытъ и для питомцевъ свѣтской средней школы, однакожъ, духовная гимназія будетъ преимущественно служить для подготовки слушателей пастырскаго института. Давая дѣтямъ духовенства законченное общее образованіе она въ тоже время станетъ поддерживать въ нихъ интересъ къ религіознымъ вопросамъ и не будетъ производить того разрыва между воспитаніемъ въ семьѣ и обученіемъ на богословскихъ курсахъ, который могла бы создать чисто свѣтская общеобразовательная школа. Надо думать, что изъ духовной гимназіи, не смотря на соблазнительную перспективу поступленія въ университетъ, не малое количество будетъ поступать и на богословскіе курсы, во всякомъ случаѣ большее, чѣмъ изъ свѣтскихъ средне-учебныхъ заведеній.

Говорять, что если изъ духовной гимназіи будутъ поступать не только на богословскіе курсы, но и во всѣ высшія свѣтскія учебныя заведенія, то народъ не дастъ церковныхъ денегъ на обученіе дѣтей духовенства. Насколько справедливо это опасеніе, въ настоящее время предвидѣть трудно. Но, мнѣ кажется, духовенство имѣло бы право на помощь со стороны церкви даже и въ томъ случаѣ, если бы его сыновья и не хотѣли принимать священства. Мы видимъ, что въ настоящее время служащіе на какомъ нибудь заводѣ требуютъ, чтобы ихъ дѣти обучались на счетъ завода, земскіе учителя просятъ для своихъ сыновей земскихъ стипендій, хотя бы они и не имѣли намѣренія поступить на службу земству. Точно также и священникъ можетъ требовать образованія своихъ дѣтей на церковный счетъ, такъ сказать, въ награду за свою службу церкви. Если къ этому соображенію мы присоединимъ то обстоятельство, что въ духовныхъ гимназіяхъ значительное мѣсто будетъ занимать богословскій элементъ и что въ силу какъ этого, такъ и семейныхъ традицій, если не большинство, то значительная часть духовнаго юношества станетъ поступать на богословскіе курсы, какъ это было до запрещенія семинаристамъ изъ 4-го класса поступать въ университетъ, то поймемъ, что опасенія ли-

шиться духовенству церковной помощи въ дѣлѣ воспитанія дѣтей едвали имѣютъ для себя серьезныя основанія.

На богословскихъ курсахъ (будутъ ли они соединены съ духовной гимназіей или станутъ существовать въ качествѣ отдѣльнаго учебнаго заведенія) должно быть сосредоточено изученіе специально-богословскихъ наукъ. Изъ свѣтскихъ тамъ могутъ быть оставлены: педагогика, философія и русская новѣйшая литература. Педагогика потому, что пастырская дѣятельность представляетъ изъ себя духовное воспитаніе народа и что священникъ въ дѣлѣ религіозно-просвѣтительнаго и моральнаго образованія своей паствы долженъ руководиться общепедагогическими принципами. Философія, хотя и будетъ проходить въ двухъ послѣднихъ классахъ духовной гимназій, но въ виду юности ея питомцевъ она не можетъ быть тамъ усвоена съ надлежащею основательностью и глубиной. Вслѣдствіе этого и въ силу ея тѣсной связи съ чисто богословскими дисциплинами, изъ которыхъ, напримѣръ, догматика и ученіе о христіанской нравственности постоянно должны экскурсировать въ область метафизики, послѣдняя будетъ весьма и весьма небезполезной и на богословскихъ курсахъ. Наконецъ, новѣйшая русская литература должна входить въ качествѣ составнаго элемента въ специально пастырское образованіе потому, что она имѣетъ непосредственно жизненное значеніе, отображая въ себѣ ту среду, съ которой придется имѣть дѣло священнику. Знаніе человѣческой души вообще и въ частности того, чѣмъ живетъ и волнуется современное общество, необходимы для того, что бы стать въ правильныя отношенія къ людямъ и воздѣйствовать на нихъ въ желательномъ направленіи. А это знаніе лучше всего достигается чрезъ знакомство съ новѣйшей художественной литературой, которая является какъ бы зеркаломъ жизни. Въ духовной гимназій знакомство съ литературой послѣдняго времени не можетъ быть достаточно подробнымъ въ виду краткости времени и обширности курса. Такъ, напримѣръ, одно изученіе Достоевскаго и Толстого можетъ потребовать цѣлаго года. Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ ввести на богословскихъ курсахъ общее обозрѣніе существующихъ въ Россіи литературныхъ, публицистическихъ, экономическихъ и социальныхъ направленій, поскольку они отражаются въ текущей

журналистикѣ. Преподаватель этого предмета, руководя воспитанниковъ въ чтеніи газетъ и журналовъ, долженъ вести бесѣды по поводу выдающихся статей и фельетоновъ, выяснять имъ характеръ и сущность идей того или другого виднаго публициста, дѣлать ихъ критическій разборъ, выяснять ихъ отношеніе другъ къ другу, степень ихъ сообразности съ жизнью и истиной, и главнымъ образомъ наконецъ, ихъ цѣнность моральную и религіозную. Знакомый со всѣмъ этимъ священникъ будетъ производить на своихъ пасомыхъ впечатлѣніе образованнаго человѣка и всегда имѣть возможность дать отвѣтъ каждому вопрошающему о томъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на то или иное явленіе съ религіозно-нравственной христіанской точки зрѣнія.

Если расширить богословскіе курсы двумя годами, то можно было бы образовать изъ нихъ высшее учебное заведеніе, соотвѣтствующее богословскимъ факультетамъ иностранныхъ университетовъ. Конечно, это задача трудная и сложная, но съ принципиальной точки зрѣнія осуществленіе ея нельзя не признать весьма желательнымъ. Пришло, кажется, время, когда необходимо требовать отъ нашихъ даже сельскихъ священниковъ высшаго образованнаго ценза, хотя бы для того только, что бы возвысить ихъ престижъ въ глазахъ паствы. Существующія программы старшихъ классовъ духовныхъ семинарій и теперь уже въ значительной степени приближаются къ курсу высшихъ учебныхъ заведеній: тоже самое можно сказать и о постановкѣ учебнаго дѣла, которая перѣдко носитъ чисто академическій характеръ. Слѣдовательно,—прибавка двухъ лишнихъ годовъ вполне могла бы превратить богословскіе курсы въ высшія учебныя заведенія. Вопросъ можетъ быть лишь въ томъ, гдѣ взять профессоровъ и средствъ для ихъ содержанія. Однакожь онъ не представляется намъ неразрѣшимымъ. Многіе изъ теперешнихъ преподавателей семинарій, профессорскіе стипендіаты и магистры богословія съ честью могли бы занимать профессорскія каѳедры. Если въ настоящее время они гложутъ въ провинціальныхъ городахъ и не заявляютъ о себѣ литературными трудами, то это объясняется неблагоприятными для ученыхъ занятій условіями семинарской службы. Имѣя лишь по нѣскольку лекцій въ недѣлю, матеріально обезпеченные, живущіе близъ солидныхъ библіотекъ они не

замедлили бы проявить свои таланты и оказались бы на высотѣ своего положенія. Чтоже касается средствъ на содержаніе высшихъ богословскихъ институтовъ, то они частію могли бы быть даны государствомъ, для котораго, конечно, выгодно имѣть просвѣщенныхъ пастырей народа, частію были бы изысканы духовенствомъ изъ мѣстныхъ источниковъ. Духовныя Академіи въ такомъ случаѣ сохранились бы въ качествѣ профессорскихъ институтовъ, стоящихъ внѣ и выше всякаго разряда. Онѣ имѣли бы своею цѣлью содѣйствовать дальнѣйшему движенію богословія, готовить преподавателей для высшихъ духовныхъ школъ и архипастырей. По первой своей задачѣ онѣ были бы богословскимъ отдѣломъ Академіи Наукъ, являясь не столько учебнымъ заведеніемъ, сколько ученымъ учрежденіемъ. По второй—какъ разъ соотвѣтствовали бы тому высшему педагогическому институту, который проектировался нѣсколько лѣтъ тому назадъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для подготовленія лицъ прошедшихъ университетскій курсъ къ преподавательской дѣятельности въ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Наконецъ, только однимъ Академіямъ принадлежало бы право давать ученые степени доктора и магистра богословія, а равно и присуждать преміи за тѣ или другіе выдающіеся ученые труды.

Нерѣдко выражаютъ опасеніе, что съ открытіемъ для воспитанниковъ духовныхъ гимназій дверей университета никто изъ нихъ не захочетъ поступать на богословскіе курсы (особенно, если они не будутъ пользоваться правами высшего учебнаго заведенія), а это грозитъ оскуденіемъ священства. Надобно сознаться, что по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, нѣчто въ этомъ родѣ дѣйствительно можетъ случиться. Но что же дѣлать? Вѣдь нельзя же на основаніи этого опасенія силою заставлять семинаристовъ принимать священный санъ, когда они не имѣютъ къ пастырству ни малѣйшаго призванія. Пусть лучше сократится число духовенства, пусть оно откажется отъ исполненія чисто гражданскихъ обязанностей въ родѣ веденія метрическихъ книгъ, пусть рѣже ходитъ по приходу, меньше служитъ молебновъ и панихидъ, но взамѣнъ этого ревностно относится къ исполненію своихъ важнѣйшихъ обязанностей, истово и благоговѣнно совершаетъ богослуженіе, отъ всего сердца про-

повѣдуетъ слово истины, являетъ собою примѣръ богоугодной жизни и въ крайнемъ случаѣ жертвуетъ душею своею за овцы своя. Опасаться же, что никто или почти никто не захочетъ идти во священники, нѣтъ основаній. До 80-го года семинаристы имѣли право поступать въ университетъ и, однакожъ, далеко не всѣ, пользуясь этимъ правомъ, уходили изъ духовнаго вѣдомства. Однихъ призваніе къ пастырству, а другихъ сила традиціи, привычка къ родному духовному вѣдомству и боязнь новыхъ путей заставляютъ идти по дорогѣ своихъ отцевъ и дѣдовъ. Наконецъ, съ улучшеніемъ правового и матеріальнаго положенія духовенства, съ прекращеніемъ унизительныхъ подаяній, съ ослабленіемъ его зависимости отъ всяческаго начальства, съ освобожденіемъ его отъ полицейскихъ обязанностей, стануть поступать на богословскіе курсы и питомцы свѣтскихъ учебныхъ заведеній религіозно настроенные и склонные къ церкви, желающіе послужить народу въ качествѣ его духовно-нравственныхъ руководителей.

Павелъ Левитовъ.
